

ЛИЧНОСТЬ СОГЛАСНО СВЯЩЕННИКУ ПАВЛУ ФЛОРЕНСКОМУ

Священник Даниил Горячев

магистр богословия
аспирант Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад, Троице-Сергиева
лавра, Академия
gasumihin@yandex.ru

Для цитирования: *Горячев Д., священник. Личность согласно священнику Павлу Флоренскому // Вопросы богословия. 2020. № 2 (4). С. 207–227. DOI: 10.31802/PWG.2020.4.2.010*

Аннотация

УДК: 11:271-18(091)

В статье выясняются отдельные проблемные вопросы философии П. А. Флоренского, относящиеся к его учению о личности. Прослеживаются мировоззренческие основания, логика и следствия таких, на первый взгляд парадоксальных, утверждений о том, что Крест представляет собой личность; ею же являются стихии, животные и растения; человек же, напротив, способен утратить свою личность. С последним связано антиномичное понимание вечных мук. Объяснить данные философские и богословские положения помогает софиология священника Павла Флоренского, дающая теоцентрическую установку во взгляде на мир, открывающая его благодать, разумность и единство. Основной вывод исследования говорит о предельно широком восприятии Флоренским личного начала: всё сущее лично.

Ключевые слова: П. А. Флоренский, личность, персонализм, ипостась, софиология, антиномия, апокатастасис, метафора.

Введение

Учение о личности в философии П. А. Флоренского привлекает внимание многих исследователей (игумен Андроник (Трубачёв), С. М. Половинкин, Н. Н. Павлюченков, Т. Н. Резвых и другие). Данная тема довольно хорошо исследована, вместе с тем открытыми остаются вопросы:

- 1) София, Премудрость Божия, как идеальная личность мира: тварна она или нетварна? И что она представляет собой как личность?
- 2) Крест Господень: как понимать, что Крест есть личность?
- 3) Личность человека: что означает в ней «сам» и «самость»? Не лишают ли они личность простоты?
- 4) Личность в природе: каков смысл олицетворённого восприятия природы?

Ответы на эти вопросы показывают, чем отличается понимание Флоренским личности от традиционного определения её Боэцием как «индивидуальной субстанции разумной природы»¹.

1. Премудрость Божия как личность

Кроме того, что София представляет собой одно из имён Божиих, относящееся ко Второй Ипостаси², Флоренский выясняет и другое её значение. Это тварная София, которую можно охарактеризовать в качестве принципа отнесённости твари к своему Творцу. Отец Павел основывает такое понимание на трудах святителя Афанасия Великого, где тот пишет об «отпечатке» создателя на своём творении: «Чтобы созданное не только имело бытие, но и благобытие, Бог благоволил, чтобы Премудрость Его снизошла к тварям, чтобы во всех вообще тварях и в каждой порознь были положены некий отпечаток и подобие Его образа, и чтобы приведённое в бытие оказалось и премудрым и достойным Бога делом. <...> Поелику же в нас и во всех делах есть таковой отпечаток

1 *Боэций*. Против Евтихия и Нестория 3 // *Боэций*. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990. С. 172.

2 «Конечно, нет никакого сомнения, что у свв. отцов под словом София весьма нередко разумеется С л о в о Божие, Вторая Ипостась Пресвятой Троицы; то же должно сказать и о богослужебных молитвах и песнопениях. Доказывать это общеизвестное положение цитатами — значило бы ломиться в открытую дверь». *Флоренский П., свящ.* Столп и утверждение истины. М., 2017. С. 374.

созданной премудрости, то истинная и зиждительная Премудрость, восприемля на Себя принадлежащее отпечатку Её, справедливо говорит о Себе: *Господь созда Мя в дела Своя* (Прит. 8, 22)³. Тварная София — это действие Божие в твари; тварь, отражающая нетварное. В первую очередь, это идея Бога о Своём творении, Его замысел о мире, идеальный образ мира, который воплощается в изначальном, ещё не повреждённом грехом, мире. В искажённом мире учение о Софии не даёт забыть, что греховный мир всё же является Божиим. Таким образом, это учение противостоит манихейскому дуализму, распространённому, например, в виде гнушения плотью или в видении за материальным некой злой природы, и вообще признанию за злом самостоятельной природы, а не испорченного Божиего творения, которое по своей природе *добро зело* (Быт. 1, 31).

София названа Флоренским личностью⁴, более того — четвёртой ипостасью. Именование «четвёртая» указывает на то, что София иноприродна Святой Троице: «София участвует в жизни Триипостасного Божества, входит в Троичные недра и приобщается Божественной Любви. Но, будучи ч е т в е р т ы м, тварным и, значит, не едино-сущным Лицом, она не «о б р а з у е т» Божественное Единство, она не «е с т ь» Любовь, но лишь в х о д и т в общение Любви, д о п у с к а е т с я в о й т и в это общение...»⁵ Вся тварь есть личность постольку, поскольку отнесена к своему Творцу: во-первых, как *вызванная* Им из небытия в бытие, *рече и быша* (Пс. 32, 9); во-вторых, как призванная к общению с Богом; в-третьих, как возлюбленная Богом и отвечающая любовью — отношения любви предполагают их между личностями. Последним личность отличается от вещи: «любовь возможна к л и ц у, а вожделение — к в е щ и»⁶. Любовью осуществляется познание, которое «не есть захват мёртвого объекта хищным гносеологическим субъектом, а живое нравственное о б щ е н и е личностей, из которых каждая для каждой служит

3 *Афанасий Великий, свт.* На ариан слово второе // *Афанасий Великий, свт.* Творения. Т. 2. Сергиев Посад, 1902. С. 363–364.

4 «В отношении к твари София есть Ангел-Хранитель твари, Идеальная личность мира» (*Флоренский П., свящ.* Столп и утверждение истины. С. 329). «Идея о пред-существующей миру Софии-Премудрости, о Горнем Иерусалиме, о Церкви в её небесном аспекте или о Царстве Божиим, как об Идеальной Личности Твари или об Ангеле-Хранителе её, — или ещё, как об Ипостасной Системе миро-творческих мыслей Божиих и Истинном Полюсе и Нетленном Моменте тварного бытия, — идея эта в изобилии рассеяна по всему Писанию и в творениях отеческих». (Там же. С. 335).

5 Там же. С. 352.

6 Там же. С. 83.

и объектом и субъектом. В собственном смысле познаваема только личность и только личностью»⁷.

Итак, 1) личность есть сущее, а всё сущее лично; 2) личность живая, источник её жизни заключён в Боге; 3) личность раскрывается в любви. София же выполняет роль «Корня цело-купной твари... которым тварь уходит во внутри-Троичную жизнь и через который она получает себе Жизнь Вечную от Единого Источника Жизни»⁸.

2. Крест Христов — личность

Крест содержит все три обозначенных признака личности, и даже может быть назван личностью по преимуществу. Крест Господень. Крест животворящий. Крест — апофеоз любви.

- 1) Что делает два поперечных деревянных бруса Крестом? Распятый на них Христос. Вся сила Креста, всё сущее Креста — от принесённой на нём жертвы, ничего «своего» и «для себя», абсолютная отнесённость к Богу составляют суть Креста как христианского символа⁹.
- 2) Таково же преимущественное отношение Креста к жизни: он возрождает человеческую *природу*, потому что Крестом побеждено её осуждение, на Кресте принесено её искупление; он возрождает человеческую *личность* в таинстве Крещения; он спасает человека через взятие и несение им своего креста. Крест воскрешает, как можно судить из истории праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня.
- 3) *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего* (Ин. 3, 16). *Так возлюбил* означает «настолько сильно»: крестные страдания

7 Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. С. 79.

8 Там же. С. 329.

9 Крест всегда крест и не может быть чем-то другим, «если мы в руках своих, пред глазами своими имеем *вещь в себе*, то, конечно, крест, существо коего выражается его видом, не может быть от вражей силы, не может быть прелестным. В образе Креста диавол не может явиться подвижнику для прельщения, как о том свидетельствует преподобный Варсонофий Великий (Ответ 413 // *Преподобных отцев Варсонофия Великого и Иоанна Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников* / пер. с греч. М., 1883. С. 301) и преподобный Прокопий — Неания (Avál. 'ερουσ. Σταχ. Т. V (1–27), § 8; Палестинский) Патерик». Вып. 16. С. 16) и другие». И потому крестное знамение — главное и вернейшее орудие против козней диавольских. Крест — всегда *сам* Крест, не может быть Креста обманного» (Флоренский П., свящ. *Философия культа*. М., 2014. С. 39–40).

Спасителя являют миру Его любовь, высшую любовь. Крест есть явление любви — также по преимуществу.

Представляется, что именно такая логика может скрываться в утверждении за Крестом личности. В своих рассуждениях о том, что Крест есть личность, отец Павел прибегает не к философской логике, а к церковному опыту восприятия Креста. Богослужбные тексты становятся главным аргументом его рассуждений:

Разве служение, воспевание, поклонение, лобызание, каждение, возжигание свеч и лампад достойт кускам дерева, каковыми, видимо и чувственно, является крест? Но что же сказать тогда о молитвенных к нему обращениях, о призываниях его, обнаруживающих, что перед нами — не кусок дерева, а живое, пренебесное существо, могущее защищать нас и помогать нам, по нашему к нему призыву? Крест Честный — нам не безличное *оно*, и не *он* даже, но *Ты*. А то, что для другого может быть *Ты*, в себе и для себя есть Я — т. е. лицо, существо разумное и духовное¹⁰.

Итак, Крест, в интерпретации Флоренским церковного опыта, является разумным и духовным. Обратим внимание, что основание для такого вывода даёт преодоление самотождества «Я»: когда «Я» становится «Ты» происходит выход из замкнутого на себя бытия. В философии Креста мы видим наиболее яркое воплощение закона любви.

Отец Павел цитирует праведного Иоанна Кронштадтского о том, что «*Крест есть образ распятого Христа*»¹¹. Далее выясняется следующая схема: Крест — образ Божий, также и в человеке есть этот Образ, точнее «Крест и есть образ Божий в человеке»¹², другими словами это соответствие выражается так:

πρωτότυπος — τύπος — ἔκτυπος

Пресвятая Троица — Крест — Человек

Отец Павел пишет:

Человек сотворён как ноуменальный Крест. Отсюда всякое высшее проявление человеческой природы — в крестообразном распротертии. Как скомканный бутон, сжавшись, сидит человек в чреве матери. Растёт — и расправляется, как бутон — раскрывается. Цветение человеческого вида — прекраснейшее, что есть в человеке, человеческое в человеке, — когда

10 Флоренский П., *свящ.* Философия культа. С. 31.

11 См.: Иоанн Кронштадтский, *св.* Моя жизнь во Христе. Ч. II. М., 1899. С. 96. Цит. по: Там же. С. 34. Выделено Флоровским.

12 Флоренский П., *свящ.* Философия культа. С. 34.

он крестообразно простерт. Это даже внешне-зрительно. Но ещё более это таинственно-духовно¹³.

Итак, замкнутость на себе, самотождество Я, преодолевается выходом из себя, исполнением заповеди любви, в этом исполнении раскрывается духовная природа человека. Указанный Флоренским признак духовности личности выявляется через философию Креста. В этой же философии и разумность выявляется через общение: Крест разумен, т. к. мы обращаемся к нему, и он отвечает нам своей помощью.

3. Личность человека

Личное начало противопоставляется отцом Павлом вещному началу: «В чём же... противоположность в е щ и и л и ц а, лежащая в основе противоположности в о ж д е л е н и я и л ю б в и? — В том, что в е щ ь характеризуется чрез своё в н е ш н е е единство, т. е. чрез единство суммы признаков, тогда как л и ц о имеет свой существенный характер в единстве в н у т р е н н е м, т. е. в единстве деятельности само-построения...»¹⁴ Вещи как суммы признаков могут быть между собой только сходными или не сходными, а их тождество возможно только как тождество понятий: «о двух вещах никогда нельзя в с т р о г о м с м ы с л е с л о в а сказать, что они — “т о ж д е с т в е н н ы”»; они — лишь... п о д о б н ы друг другу, хотя бы и п о в с е м признакам»¹⁵. Личности же могут быть между собой только тождественными или нетождественными.

Для любви *чистых личностей*, т. е. таких личностей, которые вполне овладели механизмом своих организаций, — которые одухотворили своё тело и свою душу, для любви таких личностей возможно лишь чистое нумерическое тождество, ὁμοουσία, тогда как для *чистых вещей* возможно лишь чистое генерическое подобие, ὁμοιοουσία. Личности же не чистые ещё, личности, поскольку они вещны, плотски, плотяны, постольку и способны к «уподоблению» вожделения; а поскольку они чисты и отрешились от «вещности», постольку способны к «отождествлению» любви¹⁶.

Омиусианская философия понятия и рассудка, плотская философия вещи — рационализм. Омоусианская философия идеи и разума,

13 Флоренский П., *свящ.* Философия культа. С. 34–35.

14 Флоренский П., *свящ.* Столп и утверждение истины. С. 84.

15 Там же.

16 Там же. С. 85.

духовная философия личности и творческого подвига — христианская философия.

Философия личности Флоренского утверждает:

...нумерическое тождество есть глубочайшая и, можно сказать, единственная характеристика живой личности. Определить нумерическое тождество — это значило бы определить личность. А определить — это значит дать понятие. Дать же понятие личности невозможно, ибо тем-то она и отличается от вещи, что, в противоположность последней, подлежащей понятию и поэтому «понятной», она «непонятна», выходит за пределы всякого понятия, трансцендентна в с я к о м у понятию¹⁷.

Такое «нумерическое тождество», выявление и выяснение личности, может быть передано лишь символом. Об этом отец Павел говорит с особой настойчивостью, хотя основные его работы по философии символа выйдут гораздо позже и будут посвящены основным характеристикам личности: имени и образу (человеческому лику).

Приведённые же здесь (в письме «Свет Истины») отцом Павлом характеристики «единство деятельности само-построения», «овладение механизмом своих организаций», «творческий подвиг» раскрываются в его рассуждениях о возможности *смерти второй* (Откр. 20, 14) в письме «Геенна».

Начинает он это письмо и заканчивает указанием на антиномичность учения о вечных муках. С одной стороны, *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 16), которая «не может творить, чтобы губить, — созидать, зная о гибели; Любовь не может не простить»¹⁸. С другой стороны:

...исходя не из Божией Любви к твари, а из любви твари к Богу, то же самое сознание неизбежно приходит к прямо противоположному заключению. Теперь сознание не может допустить, чтобы могло быть спасение без ответной любви к Богу. А так как невозможно допустить и того, чтобы любовь была несвободною, чтобы Бог принудил тварь к любви, то отсюда неизбежно следует вывод: возможно, что любовь Божия останется без ответной любви твари, т. е. возможна невозможность всеобщего спасения.

17 Флоренский П., *свящ.* Столп и утверждение истины. С. 88. Ср.: «Сформулировать понятие личности человека мы не можем и должны удовлетвориться следующим: личность есть несводимость человека к природе.... Не может быть здесь речи о *чем-то* отличном, об «иной природе», но только о *ком-то*, кто отличен от собственной своей природы, о ком-то, кто, содержа в себе свою природу, природу превосходит...» (Лосский В. Н. Богословское понятие человеческой личности // Лосский В. Н. Богословие. М., 2003. С. 654).

18 Флоренский П., *свящ.* Столп и утверждение истины. С. 214.

Тезис — «невозможна невозможность всеобщего спасения» — и антитезис — «возможна невозможность всеобщего спасения» — явно антиномичны. Но, доколе признается любовь Божия, — доколе неизбежен тезис, а доколе признается свобода твари, сама составляющая необходимое следствие любви Божией, — доколе неизбежен антитезис¹⁹.

Основное же внимание в письме «Геенна» отец Павел уделяет разбору тезиса, точнее, апостольских слов *сам спасется, но так, как бы из огня* (1 Кор. 3, 15).

Это «сам», αὐτός, согласно Флоренскому, образ Божий в человеке, сущностное начало, сердцевина личности. Кроме него личность составляет её эмпирический характер, «свободная творческая воля, раскрывающаяся как система действий»²⁰, это «дело», ἔργον, человека. *Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасётся, но так, как бы из огня* (1 Кор. 3, 13–15).

Отец Павел утверждает, что в данном высказывании «проводится решительное разделение между “с а м и м” человеком и “д е л о м” его»²¹. Этот вполне привычный постулат о различении человека и его поступков («люби грешников, но ненавидь дела их»²²) у Флоренского приобретает вид «самого» и его эмпирической личности, то есть «дело» человека также составляет его личность.

Эмпирическая личность призвана к обожению. Основанием к этому служит «безусловное обожение человеческого естества в лице Иисуса Христа, и никто не может положить иного основания»²³. Можно проследить двоякость этого основания к обожению, относящегося к природе человека и его личности. Что касается *природы* человека: «Основание — это явленная Христом в каждом из нас спасённая точка — начало спасения, — образ Божий, очищенный от перво-родного греха»²⁴. Что касается *личности* человека: «В С е б е Господь показал каждому из нас именно его самого, в его нетленной перво-образной красоте; как в чистом зеркале Он дал увидеть каждому святость его собственного непоруганного

19 Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. С. 214.

20 Там же. С. 217.

21 Там же. С. 234.

22 Исаак Сирин, прп. Конкретное слово // Исаак Сирин, прп. Слова подвижнические. М., 2012. С. 481.

23 Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. С. 235.

24 Там же.

образа Божия. В “Человеке” или “Сыне Человеческом” явлена каждому вся полнота его собственной личности»²⁵. Христос являет Собой идеал человеческой личности, «не отвлечённое понятие, не пустая норма человечности вообще, не схема в с я к о й личности, а образ, идея к а ж д о й личности со всем её живым содержанием»²⁶. Примером для личности может быть только личность, а не нравственная норма, в последней отец Павел видит механическое подчинение личности схеме или формуле.

Отказ от следования по пути Богоуподобления делает эмпирическую личность «самостью», которая будет отделена от «самого» при огненном испытании Страшного Суда: «Что свято, то не может погибнуть, исчезнуть, или пребывать в огне. То, что дано Христом человеку, к а к ч е л о в е к у, не может прейти. Иначе погибал бы о б р а з Б о ж и й. Но он д о л ж е н остаться; святое остаётся, святая сущность человека спасается. Что же касается до “дéла” её, то оно может погибнуть для неё»²⁷. «Самость» может погибнуть для «самого», но сама она не уничтожается, т. к. представляет собой личность — именно ей, греховной личности, отделённой от образа Божия в человеке, и предлежит геенна огненная: «А “дело” человека, его само-сознание, отделившись от “самого”, станет чистою мнимостью, вечно горящею, вечно уничтожающеюся, взором Божиим прожигаемою гнусною мечтою без мечтающего субъекта, кошмарным сном без видящего этот сон»²⁸.

Итак, в философии личности Флоренского мы видим утверждение о двух частях личности, «самого» и его «дела», и в случае греховности эмпирической составляющей, «самости», на Суде происходит их *разделение*.

С последним утверждением сложно согласиться. Во-первых, разделение «самого» и «самости» лишает личность простоты, потому как здесь мы сталкиваемся с двумя личными началами, одно из которых идёт в муку вечную, другое — не может погибнуть. Во-вторых, одностороннее утверждение «сам спасётся» фактически устраняет антиномию вечных мук²⁹.

25 Флоренский П., *свящ.* Столп и утверждение истины. С. 235.

26 Там же. С. 237.

27 Там же. С. 238. Данное утверждение П. А. Флоренского о том, что личность не может погибнуть, не допускает принять следующий вывод: «Когда это единство [идеального и эмпирического] нарушается, человек уничтожается...» (Павлюченков Н. Н. Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского. Антропологический аспект. М., 2013. С. 172).

28 Там же.

29 Подробно об этом см.: Андроник (Трубачёв), *игум.* Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Кн. 3. Сергиев Посад, 2015. С. 60–66.

Вместе с тем на страницах «Столпа» Флоренский предлагает материал для выяснения двух этих несогласий с ним. Основное наше заключение: образ Божий в человеке и его эмпирическую личность нужно различать, но не разделять. Опору для сохранения простоты личности можно видеть в учении о божественных сущности и энергии, различающихся как сокровенное Божие и Его действие. Аналогия с единством Святой Троицы также помогает избежать усложнения личности, но именно на это и указывает Флоренский: «Спасением постулируется разделение личности и характера, обособление того и другого. Единое должно стать разным. Как же это? — Так же, как тройственное есть единое в Боге»³⁰.

Образ Божий и эмпирический характер должны составлять единство. «Делом» же единой и простой личности является её деятельность как процесс и результат, то есть буквально — дело. Это дело и будет испытано огнём Суда, будет выяснено истинное богатство или нищета личности. Также и сама личность может не спастись. Выражение *сам спасётся* (1 Кор. 3, 15) апостол Павел антиномически уравнивает утверждением возможности вечных мук. И опять же на это Флоренский сам указывает в таблице антиномий: «Рим. 2, 5–12 и 2 Кор. 2, 15 и пр.»³¹.

Почему отец Павел приходит к разделению личности и характера? Т. Н. Резвых объясняет это следующим образом: «В идее апокатастасиса, в том виде как она присутствует у Флоренского в Восьмом письме “Столпа...”, очевидно влияние кантовского различения умопостигаемого и эмпирического характеров как ноуменального и феноменального в человеке»³². Если учесть сугубо критическое отношение Флоренского к Канту, то это влияние какого-то не явного свойства, не очевидное. Тем более, что отношение «самого» и «самости», образа Божиего и греховного характера — это не отношения ноумена и феномена, первое не проявляется во втором, а наоборот, оппозиционно ему.

Причина разделения видится в самой его философии личности, с её всеохватывающим характером³³. Это вообще свойственно отцу Павлу —

30 Андроник (Трубочёв), игум. Путь к Богу. С. 217.

31 Там же. С. 170. Рим. 2, 5–12. *Ибо мы — Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих* (2 Кор. 2, 15).

32 Резвых Т. Н. Кантианские мотивы в обосновании идеи спасения в книге «Столп и утверждение Истины» // «Философствовать в религии»: материалы конференции, посвящённой столетию выхода книги «Столп и утверждение Истины» о Павла Флоренского. М., 2017. С. 63.

33 Подтверждением этому выводу является обширный перечень тем, включённых в учение П. А. Флоренского о личности, в книге: *Половинкин С. М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского*. М., 2015.

развивать мысль до максимума, рассматривать предмет в его пределах. Это относится к радикальному антиномизму³⁴, к учению о слове (панлогизм), о Софии (панэнтеизм), к символизму как форме идеализма («конкретная метафизика»), к культуре как производной культа. Так и здесь всё сущее есть личность, от человека зависит её обнаружить. Личность же человека распадается на две личности: божественную (актуально существующая личность, образ Божий) и эмпирическую, потенциальную (призванная к обожению, личность в раскрывающейся возможности Богоуподобления)³⁵; дело человека, в которое он вкладывает свою жизнь и которое составляет часть его жизни — личностно. Но греховные дела, составляющие «самость», перестают быть личностью, отделившись от «самого»: «она абсолютно лишена объективного бытия, “самость” без “самого” — это мучительное марево, возникающее в пустоте небытия, стон и скрежет зубов, который никому неслышим, — как бы непрестанная галлюцинация Ничто, ни для кого не сущая, — вечно сгорающая и вечно-гибнущая ирреальность, одним словом — полное метафизическое *μη ὄν*»³⁶. Последнее вновь подтверждает смещение антиномии геенны в сторону апокатастасиса.

Таков личный опыт восприятия этой антиномии Флоренским, изложением которого он предваряет и завершает письмо «Геенна» своей подчёркнуто персоналистической книги «Столп и утверждение Истины»: «Письмо моё начинается признанием, что я видел смерть вторую, а кончается исповедью насчёт геенского огня. Вот образцы тех о п ы т н ы х данных, на которых построено изложенное тут учение об Аде»³⁷. Вывод о всеобъемлющем характере персонализма Флоренского находит свои подтверждения в следующей части.

4. Личность в природе

Богатый материал на данную тему содержится в воспоминаниях Флоренского «Детям моим». Например, о личных отношениях с морем, «живым и таинственным существом»³⁸ — по поводу морских находок: «Казалось

34 «Проблема антиномизма в мышлении наиболее радикально поставлена в книге “Столп и утверждение Истины”». Булгаков С. Н. Свет Невечерний. М., 2001. С. 155.

35 См.: Флоренский П. А. Переписка свящ. Павла Флоренского со свящ. Сергием Булгаковым. Томск, 2001. С. 397.

36 Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. С. 238.

37 Там же. С. 263.

38 Флоренский П., свящ. Из моей жизни. М., 2018. С. 41.

несомненным: неспроста валяются они на берегу, а нам, именно нам, принесены Морем. Много ещё других удовольствий доставляло оно нам — радовало нас, зная, что мы любим “сюрпризы” даже самое это слово. <...> Тогда эти находки радовали ...как дары великого синего Моря, лично мне дары, знаки внимания, доверия и покровительства»³⁹.

Помимо этих личных отношений, «Я» морской стихии выражает себя объективно. Флоренский-ребёнок спрашивал: «почему волны неодинаковые. Мне что-то отвечали, что — не помню. Но я и без ответа знал, почему: когда кто раздражён и сдерживается, то говорит как будто спокойно, но неожиданно напёрёт на какое-нибудь слово и раздражение обнаружится. Так и море. Оно хочет скрыть свою мощь, но время от времени проговаривается сильной волною»⁴⁰.

Мир растений в детстве особенно близок Флоренскому, связывавшего тогда и свою фамилию с богиней цветов Флорой⁴¹. «С деревьев свисают серёжки; разве я не понимаю, что они, заигрывая со мною, притворяются расслабленными? ...Фиалка, спрятавшаяся под куст, она играет в прятки и была бы весьма обижена, если бы я не стал искать её»⁴².

Это не только детский взгляд на природу, а устойчивая мировоззренческая особенность Флоренского: «Весь мир жил, и я понимал его жизнь. Но это понимание было крайне ошибочно толковать как простое антропоморфизирование — приделывание к вещам и существам природы человеческих органов, человеческих мыслей, чувств и желаний. Крайне ошибочно думать, будто я, вместе со всеми детьми, просто утрачивал чувство границы между собой и природою, смешивал две области, заведомо отдельные в сознании взрослого»⁴³. Речь идёт о понимании природы через её непосредственное ощущение.

Конечно, я отлично сознавал, что фиалка не имеет ничего общего со мною, и прекрасно знал о несуществовании у неё глаз (увы, теперь я этого не знаю, и потому взор фиалки, для разговора, могу и доказывать: и по ботанике, растения имеют глаза). Но непосредственно я принимал к самому существованию скромного цветка, ощущал его жизнь, столь близкую мне внутренно и столь далёкую по внешне учитываемым проявлениям, и вот эту, постигнутую мною, внутреннюю жизнь рассказывал себе в словах, как говорится, метафорических⁴⁴.

39 Флоренский П., *свящ.* Из моей жизни. С. 35.

40 Там же. С. 40.

41 См.: Там же. С. 85.

42 Там же. С. 64.

43 Там же.

44 Там же. С. 65.

Слова, объяснения — метафорические, но что именно познано в природе? О какой её жизни говорит Флоренский? Что понимается под «жизнью», «живое», «жить», встречающимися буквально на каждой странице воспоминаний? С отрицательной стороны: этот ряд противопоставлен мертвенности, механистичности, вещности. Но ограничиться таким пониманием означает принять только метафорическое слово. С положительной стороны: живое — это то, что есть, сущее. Живое и личное максимально сближены у Флоренского, грань между ними, если и существует, то, по крайней мере, трудноуловима. Во всяком случае, не так однозначно, как утверждает С. М. Половинкин о Флоренском: «Он полагал, что человек живёт среди “вещей-существ”. <...> Эти “вещи-существа” и просто существа суть организмы, а не личности»⁴⁵.

Продолжим отвечать на поставленные вопросы посредством лекций Флоренского о культе. Характерны его рассуждения о метафорическом понимании чинопоследований освящения воды, «живой, чувствующей и отзывчивой»⁴⁶: «Есть мерзкое слово “олицетворение”: этим словом интеллигентское сознание искажает и подменяет живую реальность воды, ощущаемую народами во все времена... И это ощущение воды как живой — не только утверждается, но и возводится в понимание Церковью»⁴⁷. Отец Павел указывает на службу святому Александру Невскому: «В ней водная стихия живёт своею жизнью, принимая участие в происходящих событиях. Вся служба пронизана обращением к Ладожскому озеру и к Неве как существам, способным сорадоваться со святыми людьми и горевать вместе с ними, существам, чувствующим важность исторических судеб, <способным> волноваться ими и содействовать течению их в определенную сторону»⁴⁸.

С этой же стороны характерен прокимен праздника Богоявления: «Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять». Флоренский пишет: «В этом богоявленском прокимне идёт речь о море и об Иордане именно как об одушевлённых существах, способных видеть, страшиться, трепетать, способных изменять своё обычное поведение...»⁴⁹ Иконописный канон приписывает им человеческий вид.

45 Половинкин С. М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. С. 131.

46 Флоренский П., свящ. Философия культа. С. 221.

47 Там же. С. 222.

48 Там же. «Веселися, Ижерская земле и вся Российская страна, Варяжское море, восплеши руками, Нево реко, распространи своя струи: се бо князь твой и владыка, от ига Свейскаго ты свободивый, торжествует во граде Божии, егоже веселят речная устремления». Служба на перенесение мощей святого благоверного великого князя Александра Невского. Славник на «Господи, воззвах» великой вечерни.

49 Там же.

Вывод Флоренского:

Пусты обычные в подобных случаях интеллигентские разговоры об одушевлении природы как об «олицетворениях», как о поэтических персонификациях. <...> Народная поэзия, поэзия древности пользовалась такими олицетворениями вовсе не как прикрасами или приправами стиля, но вполне просто и деловито говорила именно то самое, что хотела сказать. <...> В церковной словесности «олицетворениями» природы все наполнено; говорить об них как о поэтических персонификациях, или, скажем прямее, — как о риторике и, следовательно, неправде — было бы полным непониманием верующей души⁵⁰.

При выяснении церковного понимания личности в природе необходимо учитывать, в связи с решением каких вопросов формулировалась та или иная позиция. Отец Андроник (Трубачёв) поясняет: «Святой Иоанн Златоуст, выступая против языческих культов обожествления природы, указывал на отсутствие в природе личной разумности и словесности. Епископ Феофан, а вместе с ним и Флоренский, выступая против позитивизма и механицизма, акцентирует внимание на подлинной жизненности, единстве и осмысленности природы»⁵¹. Толкование святителя Феофана:

[Рим. 8.] Стих 22. *Вемы бо, яко вся тварь (с нами) совоздыхает и сболезнует даже до ныне.*

Вемы бо. Это слово наводит на мысль, что в речи Апостола более, нежели олицетворение. В самом деле, что мешает предположить общее всей твари сокровенное сетование о печальном её вместе с нами положении? Животные имеют смысл и чувство, в растениях явны следы чувства и влечений: что мешает предположить тёмное некое чутье и в процессах кристаллизации и химического сродства?⁵²

В этом же комментарии святителем Феофаном приводятся слова святителя Иоанна Златоустого, в которых неразумная тварь оказывается разумнее человека:

50 Флоренский П., свящ. Философия культа. С. 224–225.

51 Андроник (Трубачев), игум. Примечания // Андроник (Трубачёв), игум. Путь к Богу. С. 545. Речь идёт о толковании святителями слов: *Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих; потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо мы знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне* (Рим. 8, 18–22).

52 Феофан Затворник, свт. Толкование Послания апостола Павла к Римлянам (Главы 1–8). М., 2006. С. 672–673.

Заметить надо, что когда пристращаемся мы к твари, то пристращаемся к её видимости, по причине коей она воздыхает. Выходит, что неразумная тварь воздыхает о том, к чему мы, — разумные, — неразумно льнём. Святой Златоуст говорит при сем: «видишь ли, как Апостол стыдит слушателя, говоря как бы так: не будь хуже твари, не прилепляйся к настоящему. Тебе не только не должно прилепляться к нему, но ещё воздыхать, что твоё преселение отсюда замедляется. Ежели и тварь так поступает, тем более сие прилично тебе, одарённому разумом»⁵³.

Не слишком ли велики границы личности в философии Флоренского и не искажают ли они иерархию тварного мира, возглавляемого человеком, в направлении язычества? Прояснить эти границы и устранить их пантеистический соблазн помогают мысли Флоренского по поводу 80 апостольского зачала (Рим. 1, 18–27). Истинный порядок бытия открыт язычникам: *Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны* (Рим. 1, 19–20). Флоренский замечает:

Личность в её законченном и окончательном смысле — Бог — в творениях, в вещах — видим. <...> Но (21)⁵⁴ язычники видели Бога — Личность — как Личность, и вещи — как вещи, но не поставили в должное отношение Лицо к вещам — ἐνέρυεῖα к ἔργα — т. е. тем не прославили Бога. Язычники не установили в своём уме истинного отношения бытия, и от этого в них произошло помрачение, и они запутались.

Славу Бога они поняли не как личную деятельность, а как вещи, как ἔργα. Лицо абсолютное подменили вещью. Действительность перестала быть прозрачной — она помутнела, огрубела, оплотнилась. И тогда они перестали понимать и вторичные лица — человеческие — и стали их воспринимать как вещи — отсюда чувственность⁵⁵.

Согласно этому толкованию в язычестве не вещи стали лицами, а Лицо абсолютное подменено вещью. Действительно, видение божественного в твари (или даже обожествление твари, как это мыслит о себе язычество) должно иметь и соответствующее к ней отношение, например, следующего свойства: «Мир, образ Софии, есть Мать, Невеста и Жена образа Христова — Человека, ему подобная, ждущая от него заботы, ласки

53 Феофан Затворник, *свт.* Толкование Послания апостола Павла к Римлянам (Главы 1–8). С. 675.

54 Рим. 1, 21–24.

55 Флоренский П., *свящ.* У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики: в 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 21.

и оплодотворения духом. Человеку-мужу надлежит любить Мир-жену, быть с нею в единении, возделывать её и ходить за нею, управлять ею, ведя её к просветлению и одухотворению и направляя её стихийную мощь и хаотические порывы в сторону творчества...»⁵⁶. Язычество же совершает подмену божественного на вещное, отсюда потребительское и извращённое отношение к твари, в том числе, и к телу человека (указанием на это заканчивается разбираемое зачало⁵⁷).

Таким образом, в учении о личности центральный вопрос — о Боге. Вещь оборачиваясь к нам лицом-личностью возводит нашу мысль к своему божественному источнику. Становясь же в наших глазах просто вещью, обезличиваясь, тварь объективно, сама по себе, не утрачивает своей отнесённости к Творцу. Всё дело состоит в нашем к ней отношении: духовное отношение призвано увидеть за ней Бога; личное начало всей твари и призвано к этому *видению невидимого Божиего* (Рим. 1, 20).

Вещь и личность в философии Флоренского являются наиболее важными полюсами⁵⁸.

Вещь всегда есть некоторое *вообще*: нам все равно, какой стакан воды выпить, тот или этот, лишь бы это была вода. *Личность* же всегда в частности: вам вовсе не все равно, кого назвать своим отцом или своим сыном; определенное, единственное, неповторимое лицо есть Ваш отец; определенное, неповторимое единств<енное> лицо есть Ваш сын. И Ваши отношения к стакану воды — отношения вообще, а отношения к отцу или к сыну — отношения единственные. Разумеется, и к стакану воды можно относиться как к лицу, как к единственному: это и называется идолопоклонством. И к отцу можно отнести как к одному из многих — как <к> средству получить какое-нибудь «вообще», напр<имер> стакан воды. Это и называется безнравственностью. Когда Вы в вещи — вообще — видите единственность или в единственности — лице — вообще — Вы извращаете порядок естества, Вы грешите против бытия⁵⁹.

56 *Флоренский П., свящ. У водоразделов мысли. Т. 1. С. 456.* Или другой пример: «Травы, птицы, деревья, насекомые, всякие растения, всякие животные, земля, вода, — каждая стихия вызывает к себе непонятное, благоуханное сочувствие. <...>

Какая непроходимая пропасть отделяет это благоговение пред *всем* и гадливость ко *всему*, — гадливость, которая так трудно отделима от интеллигентности!

Вся природа одушевлена, вся — жива, — в целом и в частях. <...> Послушайте, как крестьянин разговаривает со скотиною, с деревом, с вещью, со всюю природою: он ласкает, просит, умоляет, ругает, проклинает, беседует с нею, возмущается ею и, порою, ненавидит». (*Флоренский П., свящ. У водоразделов мысли. Т. 2. С. 160–161*)

57 Рим. 1, 24–27.

58 См.: *Флоренский П., свящ. У водоразделов мысли. Т. 2. С. 20.*

59 Там же. С. 20–21.

Не противоречит ли последнее утверждению выводу о том, что личность есть во всём творении? Если посмотреть на объяснение язычества в предложенном отцом Павлом толковании 80 зачала (вещь заменяет личность) и сравнить его с данным утверждением об идолопоклонстве (личность заменяет вещь), то приходится выяснять внутреннее противоречие данной логики. Стакан воды может быть идолом, если закрывает Бога, и личностью — если Его открывает (вода святых Таинств; поданный стакан воды как дело милосердия; вода как объект научного исследования или изобразительного искусства, открывающая премудрость Творца и т. д.). При выборе, *что* есть идол, вторая формулировка (личность заменяет вещь) оказывается неприемлемой, т. к. самой личности вообще нигде не оказывается (происходит только замена вещи на личность), сущность остаётся вещной. Как тогда можно видеть личность в водной стихии, в море, в пчеле⁶⁰, в растениях⁶¹, которые вместе с животными — «младшие члены Церкви»⁶²; как тогда можно говорить о её рациональной непостижимости, «не-понятности», «трансцендентности всякому понятию»⁶³, если она исчерпывается тем, что она «определенное, единственное, неповторимое»? Сопоставление личности и вещи как единичного и общего можно рассматривать в качестве указания на их существенную разницу, на один из моментов их различия, на один из минимумов личности.

Таким же минимумом в контексте рассмотренной философии личности оказывается определение её Боэцием как *naturae rationabilis individua substantia*, «индивидуальной субстанции разумной природы»⁶⁴. По Флоренскому, личность, во-первых, неопределима; во-вторых, не только субстанция (София есть личность, но не есть субстанция); в-третьих, разумность личности превосходит привычный смысл, пример тому учение о Кресте Господнем; в-четвертых, личность преодолевает своё индивидуальное, она всегда выходит из своего «Я»; в-пятых,

60 Пчелой-душой называет отец Павел пчелу, целенаправленно напомнившей ему о его друге и дне его смерти: «Неспроста, не без духовного знаменования кружит она около чаши, она хочет вкусить от Честной Крови, да именно, хочет, ищет причаститься, но почему?» *Флоренский П., свящ.* Философия культа. М., 2014. С. 285.

61 «С детства я страстно любил растения, разговаривал с ними и жил как с самыми близкими друзьями. Может быть именно потому я не стал специально изучать растения, это казалось слишком холодным» (*Флоренский П., свящ.* Письмо А. М. Флоренской с Соловков от 21.11.1935 // *Флоренский П., свящ.* Сочинения. Т. 4. М., 1998. С. 320).

62 *Флоренский П., свящ.* Философия культа. М., 2014. С. 275.

63 *Флоренский П., свящ.* Столп и утверждение истины. С. 88.

64 *Боэций.* Против Евтихия и Нестория. С. 172

тварная *природа* личности причастна нетварной божественной благодати, следовательно, личность не сводима к природе.

Таким образом, в философии священника Павла Флоренского личность, живое и сущее являются гранями одного и того же бытия, дарованного Богом Своему созданию. Сказать по-другому, личность есть ὑπόστασις в античном смысле этого слова, в котором оно и вошло в христианское богословие в IV в. как равное οὐσία. Отец Павел уделяет этому логическому равенству много внимания в письме «Триединство»⁶⁵, опять же основываясь на трудах святителя Афанасия Великого, утверждавшего: «Ипостась есть сущность и не иное что обозначает, как самое существо»⁶⁶. Флоренский возвращает обратно в философию эти богословские термины: «Всё — едино-сущно и всё — разно-ипостасно»⁶⁷.

Можно предположить, что сущее есть личность таким же образом, как сущность есть ипостась. Параллель эту можно продолжить. Как οὐσία и ὑπόστασις со временем стали находить своё понимание через общее и единичное, так же и личность человека, следуя по пути автономности (атомизируясь, индивидуализируясь, урбанизируясь, отгораживаясь от других личностей, разобщаясь с ними) стала утрачивать видение личного бытия в вещах. Именно в этом смысле вещь заслоняет личность: когда человек перестаёт её ощущать в природе, в других людях, а затем и в самом себе.

Христианская вера и с ней страх Божий, сообщаемый человеку преимущественно в культе, воспитывает благоговение к Богу, распространяемое и на Его мир. Благоговение и любовь раскрывают личности любящего и предмета любви.

Источники

Афанасий Великий, свт. На ариан слово второе // *Афанасий Великий, свт.* Творения. Т. 2. Сергиев Посад: СТСЛ, 1902. С. 260–368.

Бозций. Против Евтихия и Нестория // *Бозций.* «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990. С. 167–189.

Исаак Сирин, прп. Слова подвижнические. М.: Сретенский мон-рь, 2012.

Феофан Затворник, свт. Толкование Послания апостола Павла к Римлянам (Главы 1–8). М.: Сретенский мон-рь, 2006.

65 «Формула “единой сущности” и “трех ипостасей” приемлема лишь постольку, поскольку она одновременно отождествляет и различает термины “ипостась” и “сущность...”» (*Флоренский П., свящ.* Столп и утверждение истины. С. 61).

66 Цит. по: Там же. С. 58.

67 Там же. С. 327.

- Флоренский П., свящ.* Из моей жизни. М.: Академический проект, 2018.
- Флоренский П., свящ.* Письма с Соловков // *Флоренский П., свящ.* Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1998. С. 137–717.
- Флоренский П. А.* Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергеем Николаевичем Булгаковым / общ. ред. игум. Андроник (Трубачёв); примеч. С. М. Половинкина. Томск: Водолей, 2001.
- Флоренский П., свящ.* Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический проект, 2017.
- Флоренский П., свящ.* У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики: в 2 т. М.: Академический проект, 2017.
- Флоренский П., свящ.* Философия культа: Опыт православной антропологии. М.: Академический проект, 2014.

Литература

- Андроник (Трубачёв), игум.* Путь к Богу: Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Кн. 3. Сергиев Посад: Фонд свящ. Павла Флоренского, 2015.
- Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: АСТ, 2001.
- Лосский В. Н.* Богословское понятие человеческой личности // *Лосский В. Н.* Боговидение. М.: АСТ, 2003. С. 645–656.
- Павлюченков Н. Н.* Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского. Антропологический аспект. М.: ПСТГУ, 2013.
- Половинкин С. М.* Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М.: РГГУ, 2015.
- Резвых Т. Н.* Кантианские мотивы в обосновании идеи спасения в книге «Столп и утверждение Истины» // «Философствовать в религии»: материалы конференции, посвященной столетию выхода книги «Столп и утверждение Истины» о. Павла Флоренского / сост. К. М. Антонов, Н. А. Ваганова. М.: ПСТГУ, 2017. С. 53–63.

Personality According to Priest Pavel Florensky

Priest Daniil A. Goryachev

MA in Theology

PhD student at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St.Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

rasumihin@yandex.ru

For citation: Goryachev, Daniil A., priest. "Personality According to Priest Pavel Florensky". *Theological Questions*, no. 2 (4), 2020, pp. 207–227 (in Russian). DOI: 10.31802/PWG.2020.4.2.010

Abstract. The article elucidates some problematic questions of P.A. Florensky's philosophy related to his teaching about personality. The author traces the ideological foundations, logic and consequences of seemingly paradoxical statements that the Cross is a person, and so are the elements, animals and plants; a human, on the contrary, is able to lose his personality. The latter statement is associated with an antinomic understanding of eternal torment. It is Florensky's sophiology that helps to explain these philosophical and theological positions, providing a theocentric attitude to the world that reveals its goodness, rationality, and unity. The study concludes that Florensky's perception of the principle of personality is extremely broad: everything that exists is personal.

Keywords: P.A. Florensky, personality, personalism, hypostasis, sophiology, antinomy, apocatastasis, metaphor.

References

- Boethius (1990) "Protiv Evtikhii i Nestorii" ["Against Eutyches and Nestorius"], in *"Uteshenie filosofii" i drugie traktaty* ["Consolation of Philosophy" and Other Treatises]. Moscow: Nauka, pp. 167–189 (in Russian).
- Bulgakov S. N. (2001) *Svet nevechernii: Sozertsaniia i umozreniia* [The Unfading Light: Intuitions and Speculations]. Moscow: AST (in Russian).
- Florensky P. (1998) "Pis'ma s Solovkov" ["Letters from the Solovki"], in *Sochineniia* [Collected Works], in 4 vols. Moscow: Mysl, vol. 4, pp. 137–717 (in Russian).
- Florensky P. A. (2001) *Perepiska sviashchennika Pavla Aleksandrovichia Florenskogo so sviashchennikom Sergeem Nikolaevichem Bulgakovym* [Correspondence of Fr. Pavel A. Florensky with Fr. Sergius N. Bulgakov]. Tomsk: Vodoley (in Russian).
- Florensky P. (2014) *Filosofiia kul'ta: Opyt pravoslavnoi antropoditsei* [The Philosophy of Cult: An Essay in Orthodox Anthropodicy]. Moscow: Akademicheskyy proekt (in Russian).
- Florensky P. (2017) *Stolp i utverzhenie Istiny: Opyt pravoslavnoi teoditsei v dvenadtsati pis'makh* [The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow: Akademicheskyy proekt (in Russian).
- Florensky P. (2017) *U vodorazdelov mysli: Cherty konkretnoi metafiziki* [At the Watersheds of Thought: The Elements of a Concrete Metaphysics], in 2 vols. Moscow: Akademicheskyy proekt (in Russian).
- Florensky P. (2018) *Iz moei zhizni* [From My Life]. Moscow: Akademicheskyy proekt (in Russian).
- Isaac the Syrian (2012) *Slova podvizhnicheskii* [Ascetical Homilies]. Moscow: Sretensky Monastery (in Russian).
- Lossky V. N. (2003) "Bogoslovskoe poniatie chelovecheskoĭ lichnosti" ["The Theological Notion of the Human Person"], in *Bogovidenie* [Seeing God]. Moscow: AST, pp. 645–656 (in Russian).
- Pavlyuchenkov N. N. (2013) *Religiozno-filosofskoe nasledie sviashchennika Pavla Florenskogo. Antropologicheskii aspekt* [Religious and Philosophical Legacy of Pr. Pavel Florensky]. Moscow: PSTGU (in Russian).
- Polovinkin S. M. (2015) *Khristianskii personalizm sviashchennika Pavla Florenskogo* [Christian Personalism by Priest Paul Florensky]. Moscow: RGGU (in Russian).
- Rezvykh T. N. (2017) "Kantianskie motivy v obosnovanii idei spaseniia v knige 'Stolp i utverzhenie Istiny'" ["Kantian Motifs in Justification of the Idea of Salvation in 'The Pillar

and Ground of the Truth”], in K. M. Antonov, N. A. Vaganova (eds.) *“Filosofstvovat’ v religii”: materialy konferentsii, posviashchennoi stoletiiu vykhoda knigi “Stolp i utverzhdenie Istiny” o. Pavla Florenskogo* [“To Philosophize in Religion”: Proceedings of a Conference Dedicated to the 100th Anniversary of “The Pillar and Ground of the Truth” by Pr. Pavel Florensky]. Moscow: PSTGU, pp. 53–63 (in Russian).

Theophan the Recluse (2006) *Tolkovanie Poslaniia apostola Pavla k Rimlianam (Glavy 1–8)* [Commentary on the Epistle of Paul the Apostle to the Romans (Chapters 1–8)]. Moscow: Sretensky Monastery (in Russian).

Trubachev A. (2015) *Put’ k Bogu: Lichnost’, zhizn’ i tvorchestvo sviashchennika Pavla Florenskogo* [The Way to God: Person, Life and Works of Pr. Pavel Florensky], book 3. Sergiev Posad: Fond svyashch. Pavla Florenskogo (in Russian).